

18+

АЛЕКСАНДР ЛИЗУНОВ

СОЛНЕЧНЫЙ ВЕТЕР

КНИГА СТИХОВ

Александр Лизунов
СОЛНЕЧНЫЙ
ВЕТЕР. Книга стихов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65704933

ISBN 9785005396969

Аннотация

Стихи – это не зеркало, а скорее призма, магический кристалл, расщепляющий белый свет на отдельные лучи, многоцветный словесный спектр— где играют то светлые краски иронии, то жёсткий трагический ультрафиолет. И если душа прячется от солнечного ветра Жизни, она увядает...

Содержание

В НАШЕМ КРУГЕ	5
ФОРМУЛА ТВОРЕНИЯ	7
«Каждый путь – знают все ...»	10
«Такие короткие сроки...»	12
«Передышкой так и не повеет...»	14
«В этом городе я появился на свет...»	15
«Ветхий домик среди панельных громад...»	16
ПТИЦЫ НАД ГОРОДОМ	18
СТАРОЕ СУДНО	21
ДУМА О КНИГАХ	23
РУССКАЯ ПОЭЗИЯ	25
CREDO 1	26
CREDO 2	28
ВРУБЕЛЬ	30
«Чины, интриги... стало всё бугром...»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

СОЛНЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Книга стихов

Александр Лизунов

© Александр Лизунов, 2021

ISBN 978-5-0053-9696-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В НАШЕМ КРУГЕ

„Разомкнулись наши руки, друзья мои, и нас разбросало по белу свету. Видно, век настолько увеличил обороты, что нас всё чаще стали срывать с места его центробежные силы. На фото мы ещё рядом в чёрно-белой плоскости кадра, но он обманывает: «иных уж нет, а те далече».

Это были не просто слова – «наш круг». Кругом древние обозначали Солнце и называли его Гелиос или Ра. До нас дошли легенды о нём – Верховном Божестве с огненными волосами, который никого не хотел приблизить к себе, и робкие подданные вечно кружили вокруг него на почтительном расстоянии. Но когда налетал ветер – солнечный ветер! – длинные разметавшиеся волосы Владыки касались лица Геи-Земли, и у неё от страха и страсти запекались губы, и душу приниживали невидимые бури. У древних были свои вето: «Нельзя увидеть лицо Бога, ибо осиянно оно не для глаз смертных». Но это не помешало прашурам оставить нам в наследство этот солнечный язык: «ра-свет», «свет-ило», «про-свет-ление»...

Потому и жили в светлицах, и были у них светлые лица, и обращались к любимым «Свет мой», а к мудрым старцам – «Светлейший».

А сейчас сухая наука нам говорит: этот ваш свет – только пучок фотонов, продукт термоядерных реакций, проис-

ходящих в недрах заурядной жёлтой звезды класса G2, потерянной где-то на окраине галактики. А уж солнечный ветер – вообще опасный поток заряженных частиц, вызывающий помянутые вами бури. Не какие-то, а магнитные. Вот вам соответствующие формулы...

Но всё возвращается на круги свои, и уже сами учёные стали признавать, что мир устроен глубже и тоньше, и Солнце – это тоже живое существо со своими чувствами и мыслями, как и наша Земля среди прочих планет.

Выходит, правы были наши пращуры?..

В нашем круге были лирики и физики. Когда первые начинали спорить о сингулярностях Большого Взрыва, вторые отвечали им стихами о божественности Вселенной... Таковыми, например:

ИЛИ ТАКИМИ:...

*Когда-то мы горели все,
всё знали друг о друге,
и дни, как спицы в колесе,
мелькали в нашем круге.*

*Она всё расширяется, вращается,
Друзей мы провожаем и подруг,
Прощаемся мы с ними...
Не прощаются*

*они,
лишь переходят в новый круг...*

ФОРМУЛА ТВОРЕНИЯ

«В начале было Слово»?..

Нет же, нет! —

Те, первые, вода и твердь

молчали.

Не Слово разделяло

тьму и свет,

но Формула...

Она была в начале.

Движение веществ,

теченье дней,

всемирные истоки

и устои,

проникновенье

сложного в простое, —

всё было в ней,

всё строилось по ней.

Что до сих пор

стремились мы познать,

всё – лишь прищур

на формулу забыту,

попытка

к её истинному виду

приблизиться ещё на шаг,

на знак.

Там – падшая восьмёрка,

тут – овал.

Нам отмечать их некогда

и нечем,

и снова множим нуль

на бесконечность.

Но у машины в памяти —

провал.

Абстракции,

химеры, миражи

в него мы спешно валим,

как фашины,

и сами попадаем

под машины, —

всё вытерпим,

Ты лишь ответ скажи!

И вот вам —

интегралы и ряды,

плод гениальных рвений

и прозрений,

когда пролёт моста

и куст сирени

вдруг обретают

общие черты.

Открыт закон.

Он ясен и красив.

Уж он-то, вроде,

не играет в прятки.

Но снова где-то

во втором порядке

просчёт

неуловимо просквозит.

И даже не просчёт —

неясный след

того, что за чертой,

всего, что «недо...»

...Я знаю сам,

что не найду ответа,

и всё-таки всю жизнь

ищу ответ.

а скорей канареечья клетка,
Некий странный
в себе от себя изолятор,
Где ты замкнут, как видно,
надёжно и крепко
В этом мороке
до окончанья заклатья.
Только ходики ходят —
им гирька как раз не помеха,
Добросовестно тикают
и отпускают минуты
В то пространство,
где нету ни тени, ни эха.
– Ну давай, догони,
наверстай хоть одну, хоть одну ты...

«Такие короткие сроки...»

Такие короткие сроки
на всё отпускается нам,
что жизнь, как поспешная стройка,
сплошных недоделок полна.

А думал ведь, аховый мастер,
иных, мол, забот не ищи —
легко на леса поднимайся
да с песней клади кирпичи.

Но, силы истратив без меры,
невесело пишешь в актив,
что сложен пока только первый
этаж, да и тот – не ахти.

Одна штукатурка – кора дней —
сегодня напомнит о том,
что радостней, а не парадней
ты сделать хотел этот дом.

Забором не отгородиться
и лозунгом на полотне —
куда это, к чёрту, годиться,
когда столько трещин в стене!

Когда среди хлама и сора,
что вымести ты не успел,
остался сквозняк в коридорах
от песни, которую пел.

И, словно прораб, твоя Муза
всё мечется взад и вперёд
и только «Не стойте под грузом!»
в холодную полночь орёт.

«Передышкой так и не повеет...»

Передышкой так и не повеет
посреди весенней беготни,
ведь не остановится конвейер,
на котором собирают дни.

Даже если посрывало гайки
или погорели провода,
не примчится, весело ругаясь,
служба аварийная сюда.

Даже если в копоти и стружках
сам копался честно там и тут,
всё равно никто тебе по дружбе
не уступит запасных минут.

Так бери ключи свои скорее,
мчи за лентой, движущейся вдаль,
где тобой упущенное время
ждёт недостающую деталь.

«В этом городе я появился на свет...»

В этом городе я появился на свет.
Волей случая вновь занесённый сюда
после долгих, где только ни прожитых лет,
что я жду – вспышки памяти или стыда?

Ни следа, ни зацепки, ни прошлых примет —
бесполезно сличать с тем, что было тогда.
Нету нашего дома, и улицы нет,
и река уже, кажется, тоже не та.

Может мельче она? иль вода холодней?
Может, был я с другими знаком тополями?
Сердце скажет? —
нет, даже ему не видней,
что оставило времени жадное пламя.

Серебриста ограда. Аллея за ней.
Вижу: роют для саженцев свежие ямы.
Но везде под лопатой – обрывки корней
и такая
сухая земля меж корнями.

«Ветхий домик среди панельных громад...»

Ветхий домик среди панельных громад
по оконницы в снегах утонул,
и теперь его снесут, говорят,
срежут начисто под корень, под нуль.

Не горюй хозяин... Разве не прав
наступающий на пятки нам век?
Ставь напиток из кореньев и трав,
от которого светлей в голове.

Что сказать? – пришла пора, выпал срок
заносить хибарку в список старья.
Расторопнее прораб, чем пророк,
в разрешении проблем жития.

Но и ЖЭК не сможет выдать душе
на отказ от этих стен ордера,
ведь она вросла, как женьшень,
глубоко и прочно в толщу Вчера.

Эх, тяжёлая земляца легла!
Что ж за сила в этом корне души,
коль её ни годы лжи, ни ГУЛАГ

не сумели отравить-иссушить?

Он живёт, сходить не хочет на нет,
значит, время его не истекло,
если истины накопленный свет
продолжает превращаться в тепло.

ПТИЦЫ НАД ГОРОДОМ

Ночью бессонною
и среди дня, —
вестом гонимы,
влекомы ли нордом, —
снова и снова
тревожат меня
птицы над городом,
птицы над городом.
Тянется путь их
в тумане, в дыму,
где-то
почти что в ином измеренье.
И почему они —
сам не пойму —
так приковали
и слух мой, и зреньё?
Может быть, время,
уже перешло ты
срок предназначенный
или границу,
если нужнее мне,
чем самолёты,
стали сейчас
эти вольные птицы?
Может быть, в сердце

какая-то нить
с возрастом
 не обращается кордом, —
только заденешь,
 и вдруг зазвенит:
– Птицы над городом,
 птицы над городом!
Может, она, эта нитка,
 и есть
тайная связь,
 что пока не уловим,
тысячелетьями
 скрытая весть:
братья по крови мы,
 братья по крови!
Происхождения нашего
 знак
в облике Сирина
 или Стратима
скажет когда-нибудь,
 что за вина
крыльев лишила нас
 необратимо.
Не потому ль
 мы летаем во сне,
вечно кочуем
 по аэропортам,
но не поймём,
 что кричат в вышине

птицы над городом,
птицы над городом...

Что же вложили мы

в эти слова:

«мысли высокий полёт»,

«окрылённость»?

Если на них

мы имеем права,

значит,

основа их где-то живёт в нас.

Значит...

Но эти бугры с лебедой,

этот колодец

с разохшимся воротом,

и, может быть,

перед близкой бедой —

птицы над городом,

птицы над городом...

СТАРОЕ СУДНО

Это старый сухогруз, выдавший виды.
В продырявленный и ржавчиной покрытый
мёртвый борт лениво плещется волна...

Говорят – недавно подняли со дна.

Из солёной мглы, из гибельного плена
путь один ему – под пламя автогена.

Но пока он над косою нависает,
мокрой галькой ребятня в него бросает,
и развалина, что застит южный вид,
гулким колоколом сдержанно гудит.

Звук дробится в сонном трюме,

в переборках,

входит в поршни и разбитые приборы,
тишины глубокий обморок прервав,
катит эхом сквозь машинный телеграф.

Что он будит в металлической гортани?

Те мгновенья – до прямого попаданья?

Те слова – последней, прерванной

команды?..

Дышит рядом с покорёженной громадой
Безмятежно-голубой приморский полдень,
что совсем другими звуками наполнен.

...Опустеет пляж, останется немного —
снимок сепия,

на дне души тревога.

ДУМА О КНИГАХ

За прилавком книжным продавец
Мне торговца птицами напомнил, —
Было время, с летнею толпою
Приходил я под его навес.

Неспроста мне вспомнились теперь
Те щеглы, малиновки и славки —
Я увидел в книгах на прилавке
Этот же порыв: лететь и петь!

Как же раньше я не мог понять
И в своей догадке убедиться:
Книги – заколдованные птицы,
Те, что пели летом для меня.

Те, что пели много лет назад
В клетках падишаха для Саади
И для Блока – в соловьином саде.
Память книг – и клетки те, и сад.

В каждой книге – птичья плоть и стать.
Их страницы – то же, что и крылья.
Коль ни разу книгу не открыли —
Не умела птица та летать!

И среди разноглосья книг,
Тех, что дарим мы и покупаем,
Канарейки есть и попугаи.
Трогают нас песни, – да не их.

А бумага хочет быть другой.
Есть ведь книги – Фениксы, их столько
Жгли на площадях, палили в топках —
Оболочки лишь срывал огонь.

А они, ещё моложе став,
Возвращались в мир, им век – что сутки.
В нескораемости их пречистой сути —
Смысл и назначенье волшебства.

Потому и вьются вензеля
Русских сказов в землях заграничных,
Что пером написаны жарптичьим,
Ум будя и душу веселя.

...А над Русью – горы облаков.
И туда, крыла свои листая,
Журавли взлетают, словно стая
Чьих-то расколдованных стихов.

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ

Давно унялись бы, однако
Ругатели нас тычут снова
В косноязычье Пастернака,
Витиеватость Гумилёва.
Валять в грязи они горазды,
Дай только волю – мама мия! —
Всё: Маяковского горластость,
Цветаевскую аритмию.
Душе закутаться, раздеться —
Возьмут за горло иль за ворот
Рубцова говорок простецкий
И Бродского щемящий холод.
И не найдёшь, наверно, ты им
Ни одного стихотворенья,
Где все на месте запятые
И безупречны ударенья.
Но где она, скажите, эта
Русь за горами и лесами,
Где б двигала перо поэта
Забота о правописание?

CREDO 1

Я говорю негалантно
Десять вам раз или сто:
Не зарывайте таланты,
Это же чёрт знает что!
Бросьте-ка заступы, вы же
Вряд ли раскрылись на треть,
Ложь, что нет пороха, вижу:
Начали только гореть!
Вы подавали надежды,
Кто вам наплёл о конце? —
Чтобы ваш кумпол мятежный —
В тесном терновом венце?!
Вздор! – ваши искры от Данте,
Моцарта и Пикассо.
Не зарывайте таланты,
Не отдавайте Косой!
Даром она не отстанет,
Вцепится в крылья, в года,
Чтоб ваши «некогда» стали
Нищим, как нуль, «никогда».
Может, как древнюю Трою,
Ваших талантов следы
Некий потомок отроет,
– Дурни вы, – скажет, – деды!
Взвесит и точно оценит

Каждый поблекший карат.
Будет талант его цепкий
Вас за измену карать!
Ваши долги неоплатны,
Камни и стрелы терпя,
Не зарывайте таланты,
Верьте им, верьте в себя!

CREDO 2

Не лишайте слова графомана,
Не спешите бить его в упор,
Вы – нормальны, вы правы формально,
Но попридержите приговор.
Наберитесь, судари, терпенья,
Пусть он раскрывает свой блокнот —
Что сейчас отмочит, что теперь он
Невообразимое зазнёт?
Ямбы, не пригретые печатью,
Рифмы, не знакомые с TV, —
Как он их вымучивал ночами —
Чижик, не прошедший в соловьи!
Маловато даже грамотешки
(Это из себя выводит вас), —
Не поставить тройку без натяжки —
Боже правый! – за его рус. яз.!
Дождь расхожий и дежурный снег там,
Но среди убогих литпрекрас,
Пуще всех гипербол и синекдох,
Что-то из себя выводит вас.
Странная загадка и загвоздка:
Погружаясь в сущую муру,
Вместо «после нас – лишь праха горстка»
Вдруг читаешь: «весь я не умру».
Кажется, – хоть это и нелепо, —

Ремеслу не выученный, он
Где-то ближе вас к земле и небу
И круговращению времён.
Может, вы наносите обиды
И презреньем раните того,
В ком таится хаос первобытный
И природы дикой естество?
Да и в ней, в гармонии невинной,
Видится порой иная грань:
Лирика красиво корчит мину,
Там, где жизнь – сплошная графомань.
Век мой, вдруг ты гения прохлопал?
Но предскажет вряд ли кто – увы! —
Где и как пустая прель и опаль
Прорастает листьями травы...
...Курит он, свивает дым в колечки,
И глаза его почти сухи.
Он молчит. Но будет ли вам легче
Вслед за ним читать свои стихи?..

ВРУБЕЛЬ

Всё те же лица праздные
И в спину взгляд чужой.
И он твердит напрасно им:
– Не стойте над душой!

С назойливостью вежливой
Подглядывают, пялятся,
Как, нервно краски смешивая,
Он стискивает пальцы.

И кисть наносит злей ещё
В холодный холст удары.
– Хлеб есть у вас. Но зрелища
Сейчас не будет – даром.

И здесь уже не мните вы
Отделаться полтиной —
Совсем другими нитями
Я вас свяжу с картиной.

И как бы вас ни прятали
Салоны и гостиные,
Она жестокой правдою
Вас где-нибудь настигнет.

Настигнет и задержит вас,
Пронзая и знобя,
И в Демоне поверженном
Узнаете себя...

...Видения тяжёлые.
Смешались явь и бред...
– Не стойте над душою вы,
Не закрывайте свет!

«Чины, интриги... стало всё бугром...»

Чины, интриги... стало всё бугром
землицы этой мёрзлой, беспартийной.
Нет, я не помяну его добром,
ну а бранить – ещё богопротивней.

Не мне судить, куда его душа —
на подаянье или покаянье —
слетела с острия карандаша,
улав от ловли строчек окаянных.

А может, до сих пор приходит на

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.